

172

Р-Р
567/-
МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ УССР

КИЕВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
имени А. М. ГОРЬКОГО

И. С. ЛОЗЕБНОЙ

ЧАСТОТНОСТЬ УПОТРЕБЛЕНИЯ
И ФАКТОРЫ ВЫБОРА
МОРФОЛОГО-СИНТАКСИЧЕСКИХ ТИПОВ
ПРИ ВЫРАЖЕНИИ АТРИБУТИВНЫХ
ОТНОШЕНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ
XI—XX ВЕКОВ

(Специальность 10600 — русский язык)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Киев—1971

НБ НПУ
імені М.П. Драгоманова

100313390

Работа выполнена на кафедре русского языка Крымского государственного педагогического института имени М. В. Фрунзе.

Научный руководитель — доктор филологических наук профессор *В. Н. Мигирин*.

Официальные оппоненты:

1. Доктор филологических наук профессор *Н. А. Кондрашов*.
2. Кандидат филологических наук доцент *В. В. Коптилов*.

Внешний отзыв: кафедра русского языка Черкасского педагогического института.

Автореферат разослан _____ 197__ г.

Защита диссертации состоится _____ 197__ г.
на заседании ученого Совета Киевского государственного педагогического института им. А. М. Горького (г. Киев, бульвар Шевченко, 22—24).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке института.

Ученый секретарь Совета.

Вопрос о частотности употребления и принципах выбора морфолого-синтаксических типов в сфере выражения атрибутивных отношений в русском языке представляет собой часть более широкой проблемы — проблемы соотношения частей речи и членов предложения, которая, по мнению ряда лингвистов (Кудрявский, Пospelов), является центральной в грамматике. К решению ее исследователи русского языка идут двумя различными путями: 1) от части речи — к синтаксической функции, 2) от синтаксической функции — к части речи.

Оба пути правомерны и имеют свои преимущества. В диссертации в связи с поставленными задачами избран второй подход к указанной проблеме. Объектом исследования являются только атрибутивные отношения. Частотность морфолого-синтаксических типов, служащих для выражения атрибутивной функции, и факторы выбора этих типов изучаются в диахроническом плане, по текстам произведений разных веков.

Диссертация содержит четыре главы и заключение. В первой, вводной, главе дается обоснование проблемы и обзор литературы вопроса.

Уже М. Смотрицкий описал определительные средства, включая существительные-приложения и, что очень важно, отметил случаи, когда притяжательные прилагательные должны заменяться родительным падежом существительного. Как и М. Смотрицкий, М. В. Ломоносов не выделял определения, но он подчеркнул значение «вещей свойств» и указал, чем они выражаются. И. Тимковский и П. Басистов отметили ограничительную функцию «определяющего» и несогласуемые средства его выражения. У Н. И. Греча уже встречаем термин «определение», но, как и И. Тимковский, а позднее А. Востоков, он понимал его очень широко. П. Басистов ограничил понятие определения, выделив «определяющий атрибут» (наряду с «дополняющим атрибутом»); обратил внимание на то, что как определение может выступать целое предложение (придаточное). Ф. И. Буслаев заметил, что определительные слова выделяются не только по синтаксическому упо-

треблению, но и по значению, для чего используются вопросы *какой? чей? который? сколько?* А. А. Потебня и его последователи фактически проводили параллелизм между частями речи и членами предложения, в частности, относили к определению только согласуемые формы, поэтому возражали против применения вопросов при рассмотрении членов предложения, в особенности А. А. Потебня, Д. Н. Кудрявский, А. М. Пешковский. С начала 30-х годов XX века усилиями исследователей русского языка установлено немало важных факторов, которые должны учитываться при разграничении второстепенных членов предложения (А. Б. Шапиро, Р. И. Аванесов, А. Г. Руднев, Н. П. Канонькин и др.); не оставались без внимания и аппозитивные сочетания и вопрос о выделении в них приложения и господствующего слова (А. Х. Востоков, Ф. И. Буслаев, А. А. Потебня, А. А. Шахматов, А. М. Пешковский и др.). Н. М. Александров предлагает сначала установить виды синтаксической связи между словами и, исходя из этого, распределить зависимые компоненты по членам предложения.

Таким образом, изучение данного члена предложения проводилось по таким аспектам: определение атрибута, средства его выражения и принципы выделения, приложение и господствующее слово. В диссертации обращено внимание на другие, не менее важные аспекты. Сделана попытка углубить наше представление о грамматическом атрибуте, выявить его дифференциальные признаки. Прослеживается частотность морфолого-синтаксических типов, выражающих определение, выявлены тенденции в изменении количественного соотношения этих типов. Затронут вопрос о типах номинации и их частотности. Средства атрибуции рассматриваются также на уровне лексико-грамматических разрядов. Уделено внимание противочленам определения. Наконец, в диссертации сделана попытка определить факторы выбора морфолого-синтаксических типов в сфере выражения атрибутивных отношений и их действие на протяжении многовековой истории русского языка.

Вторая глава посвящена дифференциальным признакам грамматического атрибута. В исследованиях и учебных пособиях обычно указывают такие признаки этой синтаксической единицы: атрибут — второстепенный член предложения, обозначает качество, свойство, признак предмета, относится к слову с предметным значением, отвечает на вопросы *какой? чей? который? сколько?* Между тем, лишь так называемая «второстепенность» не может быть отнесена и к сказуемому. Поэтому дифференциальные признаки атрибута выявляются в сравнении его со сказуемым.

И тому и другому члену предложения приписывается значение признака (правда, сказуемому — признак в широком понимании). Но в сказуемом признак связывается с предметом во времени: «Сухари **были** московские» (Симонов); «Вода Днепра отменно

чиста, приятна для вкуса и здорова» (Карамзин), «Я так буду счастлива, когда она будет его женою» (Толстой). А грамматический атрибут обозначает признак безотносительно к моменту высказывания, т. е. вневременный признак, так как он не устанавливается, а представляется уже данным в предмете. Атрибутивное сочетание предстает как прошедшее стадию предикативной связи. Убедительный пример: «Он ехал и думал о нашем будущем наступлении: ведь будет же оно когда-нибудь!» (Симонов). Как причина предшествует следствию, так и атрибутивному сочетанию («будущее наступление») предшествует предикативное («оно будет»). О временном атрибутивном признаке можно говорить только на лексическом или морфологическом уровне, т. е. при наличии у определения корня с темпоральным значением («Вчерашний разговор с Климовичем насторожил Синцова» — Симонов) или при наличии форм времени («И клочки этих писем сначала усыплют землю рядом с истекающим кровью, умирающим Мишкиным телом» — Симонов). На уровне синтаксическом атрибутивный признак является вневременным. Отмечаем, что новая академическая «Грамматика современного русского литературного языка» (1970; автор раздела — Н. Ю. Шведова) требует строго различать категории морфологического и синтаксического времени (стр. 543). Что касается придаточного определительного, то временная связь существует между подлежащим и сказуемым внутри него самого: «Наверно, бомбежка, которую слышал Синцов, была результатом их работы» (Симонов).

Проявление признака во времени тесно связано с модальностью. Предикативный признак может быть реальным, желательным или возможным: «Ваших двух товарищей нашли, но они мертвые»; «Будь осторожной... Будь хитрой, как лиса»; «Но сейчас Козырев был бы рад, если бы о нем никогда и ничего не писали» (Симонов). В отличие от сказуемого, определение выражает преимущественно реальный признак. Связь определения с определяемым не может иметь характера желательности или возможности, так как она вводится в предложение как готовая. Далее. Признак сливается с предметом «как бы в один образ» (А. А. Дмитриевский), атрибутивное сочетание — «средство выразить цельность сложного представления» (А. А. Шахматов). А если это признать несомненным, то вводными словами придается модальный характер не столько самой атрибутивной связи, а сколько связи всего сочетания с каким-либо словом в предложении: «Встреча с Люсиным была сама судьба и, конечно, судьба счастливая» (Симонов). Но определение может стоять далеко от определяемого или быть в позиции обособления. В таких случаях вводные слова выражают модальность признака. По сути он остается реальным, но с оттенком вероятности, возможности, категоричности и т. п.: «Недалеко от Пьера шел, видимо, поль-

зующийся общим уважением своих товарищей пленных толстый майор» (Толстой).

Обозначая признак, атрибут выполняет выделительную функцию по отношению к предмету. Следует различать две познавательных установки: характеристику и актуализацию (В. Н. Мигрин). Характеристика осуществляется с помощью выделения и включения; актуализация предусматривает условия, в которых наблюдается объект: «Волевые люди в опасности спокойны». Благодаря определению из всех людей выделяем волевых, а сказуемым включаем их в разряд спокойных в указанных условиях. Выделительную функцию атрибута можно интерпретировать в плане логики, в плане теории множеств и в плане грамматики.

В плане логики атрибут служит для создания видového понятия из родового, а также единичного из родового или видového (при отсутствии строгой логической соотнесенности родовым называется более широкое, видовым — более узкое понятие): «Свадьба Наташи... было последнее радостное событие в **старой** семье **Ростовых**» (Толстой). **Семья** — родовое понятие; с определением это уже видовое: в **старой** семье. При помощи имени собственного видовое понятие превращается в единичное: в **старой** семье **Ростовых**. Единичное понятие не нуждается в выделении его из ряда однородных, поэтому определение при нем выполняет функцию описания: «В **разоренной и сожженной** Москве Пьер испытал почти крайние пределы лишений» (Толстой). Но и в этом случае нельзя полностью отрицать выделительную функцию определения. Описывая предмет с разных сторон, представляем себе несколько разновидностей одного и того же предмета, при помощи определений и выделяются такие разновидности: «За той взбаламученной Москвой, которую он увидел вчера, была и другая Москва, — райкомовская, по-прежнему спокойная, деловая, неиспуганная» (Симонов).

Каждое имя существительное есть название множества. В плане теории множеств определение превращает множество в подмножество или в одноэлементное множество: «Второму сыну Ярослава Святославу досталась область днепровского притока Десны» (Ключевский). Здесь множества «сын» и «область» благодаря определению низводятся до одного элемента: «сыну Ярослава» — «второму сыну Ярослава Святославу»; «область притока» — «область днепровского притока» — «область днепровского притока Десны». Слово «этот» всегда превращает множество в один элемент: «Эта летопись есть сборник разнообразного исторического материала» (Ключевский). Имя собственное есть одноэлементное множество, и определения при нем употребляются преимущественно в описательных целях: «Красивая Вера... улыбнулась» (Толстой).

В плане грамматики атрибут служит для выделения предмета

из ряда однородных: «Где-то на клочке бумаги записан служебный (1) телефон одного из товарищей (2) брата (3), с которым тот вместе служил на Халхин-Голе (4), полковника (5) Польшина (6)». (Симонов). Первым определением из всех телефонов выделяет только служебные; вторым — только те, которые принадлежат товарищам; третье определение: предусматривает телефоны, принадлежащие товарищам брата; четвертое выделяет из товарищей брата тех, с кем он служил на Халхин-Голе; пятое определение исключает всех товарищей не полковников; наконец, шестое конкретизирует телефон, называя конкретного владельца — Польшина.

В такой же мере выполняют выделительную функцию и придаточные предложения, выступающие в роли синтаксического атрибута: «Пол возле койки, **на которой лежал Зайчиков**, был завален горами обсыпавшейся из-под накатов земли» (Симонов).

Выделительная функция определения в позиции обособления несколько скрадывается. В таких случаях наше внимание сосредоточено более на признаках предмета, нежели на нем самом. Кроме того, нередко обособленное определение имеет дополнительное обстоятельственное значение, чаще всего — причинное или уступительное: «**Озабоченный войною персидскою**, Тиверий не мог отразить славян» (Карамзин); «**Почти не знавший страха**, когда ему приходилось отвечать только за самого себя, Шмелев недолго любил отвечать за других» (Симонов).

Сказуемому же выделительная функция не свойственна. Наоборот, оно выполняет функцию включения, то есть единичное или видовое понятие, одноэлементное множество или подмножество включает в родовое понятие или множество: «И сами эти народы остаются этнографическими загадками» (Ключевский); «Шмаков и в самом деле оказался разговорчивым человеком»; «Война была несчастьем»; «Сообщения по телефону были все тревожнее» (Симонов). Сказуемое, как правило, представляет собой понятие более широкое, чем понятие, выступающее в роли подлежащего. Но в «предложениях тождества» подлежащее и сказуемое — одинаковые по объему понятия, поэтому последнее не обладает функцией включения: «Сей городок был Киев» (Карамзин).

Выявленные признаки грамматического атрибута можно суммировать в такое его определение: это член предложения, обозначающий вневременной, преимущественно реальный выделительный признак предмета.

На основе нового определения сделаны некоторые замечания к принципам выделения данного члена предложения. Не все согласуемые слова в качестве второстепенных членов являются определениями (как считает, например, А. Н. Гвоздев). В известных условиях самостоятельно не выполняют этой функции **самый, такой, какой**: «Самолеты прошли над **самыми** верхушками деревь-

ев». «Приготовить себя к такому огромному несчастью вообще невозможно»; «А ведь какая красивая была когда-то!.. (Симонов). Неправоммерно рассматривать как неделимые синтаксические сочетания типа **Черное море**, так как зависимая форма в них: выполняет функцию выделения. Это же относится и к имени собственному в аппозитивном сочетании, потому что оно дается предмету с целью выделить его. Хотя сказуемое согласуется в роде не с именем нарицательным, а с собственным, но это согласование — показатель того, что нарицательное существительное в форме мужского рода, обозначающее профессию, является по существу словом женского рода. Это противоречие устраняется тенденцией к образованию параллельных форм женского рода: «Сзади него стояла неизвестно откуда взявшаяся **шоферка Паша Горобец**»; «**Врачиха** была молоденькая» (Симонов). В позиции обособления имя нарицательное, разумеется, уже не может быть господствующим словом, оно выступает как приложение.

Важным средством разграничения членов предложения является постановка вопросов к ним. За их изгнание из грамматики выступали, как известно, А. А. Потебня, Д. Н. Кудрявский, А. П. Пешковский; иногда и теперь раздаются голоса против них (В. Г. Валимова, Ю. Д. Апресян). Но ведь вопросы как средство грамматического анализа не выдуманы каким-либо лингвистом. Они продиктованы самой практикой речевого общения. Если в дополнениях мы соотносим вопросы косвенных падежей существительных, с определениями — вопросы *какой? чей? который?*, с обстоятельствами — *где? когда? почему?* и другие, — то это значит, что, общаясь друг с другом, мы запрашиваем с помощью их о неизвестных нам объектах, признаках и обстоятельствах: «**Что вы понимаете? — Свою вину. Я ее кровью смою**»; «**Ваня, где ты учился? — Сначала в семилетке, потом в ФЗУ. — И я тоже. Ты в каком? — В деревообделочном**» (Симонов).

В связи с тем, что в предложении может быть несколько определений и связаны они с различными словами, в практику выделения этого члена предлагается ввести понятие **определения разных степеней**. «Среди задержанных за день оказался... красноармеец, с руками и ногами богатыря и с маленькой, детской стриженной головой» (Симонов); «Подъехав к крыльцу большого дома у конногвардейских казарм, Пьер поднялся на кобыльцо (Толстой). Здесь определения I степени: **красноармеец с руками и ногами богатыря**, **красноармеец с маленькой, детской стриженной головой**, к крыльцу большого дома; определения 2 степени: **с руками и ногами богатыря**, **с маленькой, детской стриженной головой**, **большого дома у казарм**; определение 3 степени: **у конногвардейских казарм**.

В третьей главе рассматривается частотность морфолого-синтаксических типов, выражающих атрибут, в произведениях раз-

ных веков. Взяты «Повесть временных лет», «История государства Российского» Н. М. Карамзина и «Курс русской истории» В. О. Ключевского, которые поставлены в один ряд на том основании, что все они представляют собой исторические повествования, более того, в исследованных текстах каждого из них речь идет об одном и том же предмете — начальном периоде русской истории. Кроме того, для сравнения приводятся данные по произведениям других жанров: «Задонщине», «Повести о царстве Казанском», «Новой повести о преславном Российском царстве и великом государстве Московском», «Войне и мире» Л. Толстого и «Живым и мертвым» К. Симонова. Сделана сплошная выборка по 1000 определений из каждого источника. Примеры обрабатывались по таким параметрам: какое количество предложений включает исследованный текст, в том числе — придаточных; какими морфолого-синтаксическими типами выражаются атрибутивные отношения; какова частотность каждого типа; изучение определений на уровне лексико-грамматических разрядов; к какому противочлену может относиться исследуемый член предложения.

Средства выражения атрибутивных отношений представлены следующими морфолого-синтаксическими типами и в таком количественном соотношении в произведениях разных веков:

Морфолого-синтаксические типы	Их частотность по векам		
	XI	XVIII	XX
прилагательные	340	387	421
местоимения	273	181	202
числительные и колич. слова	179	42	71
причастия и прич. обороты	43	55	48
существительные-приложения	72	65	21
родит. падеж без предмета	35	202	169
другие падежные формы	14	21	29
инфинитивы	—	4	3
придаточные предложения	44	43	36

В «Повести временных лет» среди прилагательных качественных — 97, относительных — 172, притяжательных — 71. Первые называют размер, возраст, цвет, заключают в себе некоторые характеристики и оценки предметов, лиц. Количество относительных

превышает количество качественных прилагательных за счет различных собственных названий и указаний на национальную принадлежность лица или предмета. Таких прилагательных вдвое больше, чем с временными, пространственными значениями. Полунто здесь отмечают некоторые особенности образования прилагательных в древнерусском языке.

Местоимения представлены преимущественно притяжательными. Это объясняется тем, что для говорящего, адресата и «объекта высказывания» есть такие местоимения. Кроме того, «свой» может употребляться по отношению ко всем членам коммуникативного акта.

Наряду с притяжательными прилагательными, принадлежность выражают также родительные беспредложные падежи существительных (их 35 в общем количестве косвенных падежей). В качестве определений выступают также числительные, в основном — порядковые, причастные обороты, существительные-приложения.

Таким образом, уже в XI веке определились основные морфолого-синтаксические типы, выражающие атрибутивные отношения.

Противочленами атрибута являются дополнение — в 442 случаях, обстоятельство — в 273, подлежащее — в 211, определения — в 64 и сказуемое — только в 10 случаях. Частотность рассматриваемой функции сравнительно невелика: 1000 примеров выбрано из 726 предложений.

В «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина частотность выше: 1000 определений содержится лишь в 432 предложениях: здесь дается более глубокий анализ событий, тщательное их описание, что требует широкого использования определений. Заметно увеличилось количество прилагательных, причастий, родительных беспредложных и других косвенных падежей существительных, появились инфинитивы в роли атрибута. Почти вдвое возрос удельный вес качественных прилагательных, но более чем в 4 раза уменьшилось число притяжательных, причем все они — образования от собственных имен. Зато качественные и относительные прилагательные разнообразны по своим значениям и определяют существительные различных лексико-грамматических разрядов. Значительно больше среди определяемых компонентов ствлеченных понятий. Отношения атрибутивные нередко совмещаются с причинными и уступительными. Намного разнообразнее значения родительных беспредложных. Все это свидетельствует об интенсивном развитии абстрактного мышления.

Частотность определений в «Курсе русской истории» В. О. Ключевского еще выше: исследованный текст содержит только 283 предложения.

Количество качественных прилагательных уменьшилось, а относительных увеличилось. Но как те, так и другие, отличаются семантическим многообразием и определяют они различные лек-

сико-грамматические разряды существительных. Косвенными падежами с различными предлогами выражаются более сложные атрибутивные отношения. Резко снизился удельный вес прижательных прилагательных.

Как в предыдущем произведении, противочленами определенных чаще выступают дополнение, обстоятельство, подлежащее. То, что в 161 случае господствующим компонентом связи является определение же, говорит о наличии определений разных степеней.

В вышеназванных произведениях XIV, XVI, XVII, XIX, XX веков наблюдаются следующие изменения количественного соотношения средств атрибуции: по направлению к современности удельный вес прилагательных уменьшается, зато причастий со значениями различных процессуальных признаков увеличивается; по сравнению с XIV веком в произведениях XX века вдвое больше родительных, беспредложных падежей, вдесятеро — других косвенных падежей с предлогами и без них, выражающих осложненные атрибутивные отношения; убывает количество прижательных прилагательных и местоимений; чаще встречаются инфинитивы в роли определения. Как новое средство атрибуции следует отметить наречия, сочетание количественного и порядкового числительного со словом номер в именительном падеже, буквенные и буквенно-цифровые символы: «На сосне еще сочилась грубая, крест-накрест зарубка»; «Приказ номер... номер одиннадцатый»: «По дороге в глубь леса, рыча и оставая за собой двойные рубчатые швы, шли танки Т-34» (Симонов).

В связи с наличием различных определительных средств затронут вопрос о типах номинации в сфере обозначения атрибутивного признака. Их выделено три: словесная, синтагматическая и предикативная. Первая отмечается там, где признак обозначен одним словом; вторая — в случаях, когда признак выражается причастным оборотом или конструкцией с прилагательным в качестве стержневого слова; при третьей для названия признака используется придаточное предложение: «Это были пополнения боевых (словесная номинация) людей, выделявшихся из разных родов на время похода (синтагматическая), по окончании которого уцелевшие товарищи расходились» (предикативная) (Ключевский). Как показывают количественные данные, в сфере обозначения атрибутивного признака преобладает словесная номинация.

Четвертая глава посвящена факторам выбора морфолого-синтаксических типов при выражении атрибутивной функции. Здесь дана попытка ответить на такие вопросы: чем объяснить, что одни части речи чаще используются для выражения атрибутивной функции, другие — реже, а третьи — совсем редко? Чем обуславливается выбор того или иного морфолого-синтаксиче-

ского типа? Наконец, каковы причины того, что количественное соотношение средств атрибуции изменяется?

Функциональное использование морфолого-синтаксических типов определяется лексическим составом разных частей речи, их дистрибуцией, возможностью лексического заполнения синтаксических структур. На этой основе выделяются следующие факторы выбора средств для выражения атрибутивных отношений:

- 1) категориальный,
- 2) лексического параллелизма,
- 3) дистрибутивный.

Их действие понимается так. Поскольку прилагательное обозначает «оформленный путем согласования» признак предмета, следовательно, по своему категориальному значению оно представляет собой наиболее подходящее средство атрибуции, как для выражения объектности основным средством является существительное. Далее. Лексический параллелизм есть наличие одно-коренных лексем, которые относятся к разным частям речи и вынужденно употребляются в синонимических конструкциях в зависимости от дистрибутивных особенностей этих частей речи. Например, «белый», «белизна», «белеть», «белеющий» могут быть использованы для выражения одной функции. Если нет необходимости усиливать признак, говорят: «Белый сад благоухает». Но этот же признак можно сообщить при помощи существительного «белизна», но обязательно — с прилагательным: «Сад удивительной белизны» и т. д. Используя придаточное предложение, атрибутивный признак выражаем также личной формой глагола: «Сад, который белеет в долине, принадлежит колхозу». При сказуемой придаточного возможны самые различные обстоятельства, более глубоко раскрывающие признак. У причастия тоже большие дистрибутивные возможности, особенно в позиции обособлений. В зависимости от целей высказывания избирается та часть речи, которая обладает в большей степени способностью вступать в связи с другими словами в предложении. В «Новой повести о преславном Российском царстве» употребляется даже родительный от «мы» со значением принадлежности: «всех нас грехов непоминовением» (ср. там же «за великия грехи наши»), так как при нем возможно «всех», что и важно для автора.

Действие указанных факторов прослеживается в произведениях разных веков. То, что 613 определений в исследованном тексте «Повести временных лет» — прилагательные и местоимения, говорит, что уже в XI веке категориальный фактор был решающим при выборе средств атрибуции. Но заметно проявляется и дистрибутивный фактор: в 21 случае из 35 родительный применный вытеснил прилагательные потому, что имеет при себе зависимые формы: «Царя **вашего** и своею рукою» (ср.: «речь цареву»). Но этот фактор взаимодействует с фактором лексическо-

го параллелизма: «от всех людей Руския земля», «закон отец своих». Нередко только отсутствие лексически параллельных форм определяет средства атрибуции: «ближний уьненаго», «в лядах со огнем». Причастия и придаточные предложения обусловлены широким составом грамматических категорий глагольных форм, что обеспечивает лексическое заполнение конструкций. Но придаточные на месте возможных причастных оборотов употребляются еще и потому, что причастия не имеют категории склонения, формы будущего времени.

В тексте произведения XVIII века категориальный фактор несколько ослабил свое действие. Зато значительно сильнее проявили себя фактор лексического параллелизма и дистрибутивный: в 6 раз увеличилось количество родительных беспредложных, в полтора раза других падежных форм, обнаружены инфинитивы в функции определения. Из 202 родительных падежей в функции атрибута одни не имеют адъективных эквивалентов («свидетельства современников», «гибель последних» и под.), другие, кроме того, употребляются с зависимыми формами («народ греческого происхождения», «судьбу великих государств» и т. д.), третьи — только в силу дистрибутивного фактора) («на берегах моря Балтийского», «потомки древних гетов»), четвертые обнаруживаем на месте возможных прилагательных потому, что синтаксические синонимы нетождественны: «свирепостию варваров» — «варварскою свирепостию», «враги империи» — «имперские враги»). Ввиду того, что другие косвенные падежи, в особенности с предлогами выражают более сложные атрибутивные отношения, нежели прилагательные, они обусловлены фактором лексического параллелизма, нередко взаимодействующим с дистрибутивным: «Все страны от Ионического залива до Константинополя» были их жертвою». Косвенные падежи в качестве определения появляются в силу тенденции к экономии речевых средств. Атрибутивному сочетанию в приведенном примере должно предшествовать такое: «страны, которые расположены (расположенные) от залива Ионического до Константинополя». Наряду с этой тенденцией существует в языке уже упоминавшаяся тенденция к лексическому заполнению конструкций.

Как показывают количественные данные по тексту произведения XX века, сильнее проявил себя категориальный фактор. Следовательно, действие дистрибутивного и фактора лексического параллелизма несколько ослабилось, хотя ими обусловлено большинство родительных падежей. Те же из них, которые допускают адъективные образования и не имеют зависимых форм, объясняются, во-первых, тем, что более четко указывают на принадлежность, во-вторых, атрибутивные отношения, выражаемые ими, осложняются другими отношениями, поэтому прилагательные приносили бы неясность, двусмысленность: «обста-

новка жилищ», «на присутствии славян», «великое переселение народов». Что касается других косвенных падежей с предлогами и без них, то они вызваны преимущественно фактором лексического параллелизма и дистрибутивным: «передвижка с оставкой на Карпатах», «линия по верхнему меридианальному течению реки Оки» и т. п.

Это взаимодействие факторов выбора морфолого-синтаксических типов, выражающих атрибутивные отношения, можно проследить по произведениям другого стиля. В исследованном тексте «Новой повести о преславном Российском царстве» около 900 из 1000 определений представляют собой согласуемые формы, обозначающие качественные, относительные и количественные признаки; значит, категориальный фактор и здесь сыграл свою решающую роль, а действие других факторов проявилось в меньшей мере. Дистрибутивными возможностями и отсутствием параллельных прилагательных объясняются такие, например, родительные падежи: «государства православным христианом», «скипетр Российского царства» (у слов «государственный», «царственный» иное значение). Не чем иным, как различием значений родительного падежа и параллельного прилагательного обусловлены такие родительные: «за величества рода», «во свете благоверия» (ср.: «за родовые величества», «во благоверном свете»). Дистрибутивные, и только дистрибутивные, возможности родительного приименного заставили автора употребить несколько раз «нас» со значением принадлежности: «сущий враг всех нас».

Данные романа «Живые и мертвые» К. Симонова еще раз свидетельствуют, что категориальный фактор продолжает оставаться решающим при выборе средств атрибуции. Но значительная роль принадлежит фактору лексического параллелизма и дистрибутивному, которыми обусловлены 220 косвенных падежей, 99 частных оборотов: «семьи авиаторов», «слова Пылина», «человек без фуражки», «парни в гражданском», «по дороге на вокзал». Инфинитивы в функции сказуемого вызваны двумя факторами: отсутствием адъективных соответствий и наличием у инфинитива видовой категории. Обнаруженные в роли атрибута инфинитивы не имеют не только параллельных прилагательных, но даже и существительных, употребление которых вместо инфинитива не принесло бы ущерба высказыванию: «попытки успокоить его и объяснить», приказ оставить Борисов» (ср.: «попытки успокоения его и объяснения», «приказ об оставлении Борисова»).

У К. Симонова обнаруживаем такие средства атрибуции, как наречия, буквенные и буквенно-цифровые символы, спаренные существительные в именительном падеже, сочетания количественных и порядковых числительных со словом «номер»: «грубая,

крест-накрест зарубка», «приказ номер одиннадцатый», «танки Т-34», «район Осиповичи — Бобруйск».

Итак, функциональное использование различных морфолого-синтаксических типов объясняется определенными причинами, т. е. в этой сфере действуют определенные синтаксические закономерности.

При выборе средств для выражения атрибута действуют такие факторы, как категориальное значение, отсутствие лексического параллелизма, дистрибутивные возможности и некоторые другие.

Указанные факторы проявляются по взаимодействию. Количественное соотношение морфолого-синтаксических типов изменяется по направлению к современности в силу того, что одни факторы ослабляют свое действие, другие усиливают.

Решающее значение имеет категориальный фактор. В силу его действия на протяжении нескольких веков прилагательные и местоимения остаются преобладающими средствами атрибутивной функции. Но поскольку в этой функции обнаруживаются другие морфолого-синтаксические типы, значит, они обусловлены другими факторами: дистрибутивным и фактором лексического параллелизма.

Рассмотрев действие факторов по источникам русского языка разных веков, отмечаем следующее. Наряду с категориальным значением в XI веке для выбора средств атрибуции большое значение имели дистрибутивные возможности части речи, зависящие от состава ее грамматических категорий. В XVIII веке этот фактор усилил свое действие, зато категориальный проявил себя в меньшей степени.

На основании же данных источника русского языка конца XIX — начала XX века можно сказать, что если категориальный фактор еще более повысил удельный вес прилагательных и местоимений, то факторы лексического параллелизма и дистрибутивный ослабили свое действие.

Выводы. Грамматический атрибут, в отличие от сказуемого, обозначает вневременный реальный признак. Особенность исследованного члена предложения заключается еще и в том, что он имеет значение выделительного признака (только тогда, когда определение относится к имени собственному, оно выполняет функцию характеристики, а — не выделения). Выделительную функцию грамматического атрибута можно рассматривать в плане логики, в плане теории множеств и в плане грамматики. В первом случае с помощью определения родовое понятие превращаем в видовое или родовое и видовое — в единичное. При втором подходе определение выделяет из множества подмножество и одноэлементное множество. Наконец, интерпретируя выделительную функцию атрибута в плане грамматики, мы выделяем пред-

мет из группы однородных предметов. Эти выявленные признаки грамматического атрибута позволили сформулировать новое его определение.

Учитывая то, что атрибут более широкое понятие превращает в более узкое, при разграничении приложения и господствующего слова в аппозитивных сочетаниях с именем собственным лица приложением нужно считать имя собственное (кроме случаев, когда имя нарицательное находится в позиции обособления и выступает как приложение).

Руководствуясь выделенными признаками грамматического атрибута, исключаем из его состава некоторые согласуемые формы, традиционно считающиеся определениями, и, наоборот, относим к разряду определений такие формы, которые не учитывались как определения, в частности, все падежи количественных числительных, количественные слова и зависимые формы в словосочетаниях типа «Черное море».

Последние причисляем к атрибуту, опираясь на возможность многоступенчатого членения высказывания. В результате такого членения получаем определения разных степеней.

Выделенные таким образом определения подвергнуты исследованию с точки зрения частотности выражающих их морфолого-синтаксических типов. Во всех взятых источниках преобладающими средствами атрибуции являются прилагательные и местоимения. Категориальное значение признака, свойственное названным частям речи, выдвигает их на первое место среди других морфолого-синтаксических типов.

Данные источников русского языка говорят о том, что по направлению к современности и качественные, и относительные прилагательные становятся разнообразнее по своим значениям.

В силу тенденции к разграничению атрибутивных и объектных, атрибутивных и циркумстантивных отношений исчезают относительные прилагательные с объектным и циркумстантивным значением.

Противочлены определений, выраженных прилагательными, представляют собой существительные разных лексико-грамматических разрядов, но преобладают конкретные, которые сочетаются преимущественно с относительными прилагательными. По направлению к современности среди противочленов атрибута увеличивается количество отвлеченных существительных, сочетаются они в большинстве своем с качественными прилагательными.

В отличие от качественных и относительных, притяжательные прилагательные в атрибутивной функции идут на убыль.

Возрастает по направлению к современности удельный вес причастий и оборотов с ними. Это объясняется их широким составом грамматических категорий и обусловленными этим составом дистрибутивными возможностями.

Если количество притяжательных прилагательных в роли атрибута уменьшается, то родительных падежей становится все больше. Это вызвано широкими дистрибутивными возможностями родительных падежей, хотя многие из них могут быть объяснены действием фактора лексического параллелизма.

Поднялся удельный вес косвенных падежей существительных с предлогами и без предлогов.

Их все более расширяющееся использование в атрибутивной функции объясняется как отсутствием параллельных прилагательных, так и дистрибутивными возможностями косвенных падежей.

Наиболее поздно выступил в функции определения инфинитив. Даже в источнике русского языка XX века он встретился в очень незначительном количестве. Появление инфинитива в роли определения вызвано фактором лексического параллелизма, а также фактором состава грамматических категорий.

К позднейшим средствам выражения атрибутивных отношений относятся наречия, буквенные и буквенно-цифровые символы, сочетания существительного «номер» с количественным или порядковым числительным, а также спаренные существительные в именительном падеже.

В сфере обозначения атрибутивного признака существует три типа номинации: словесная, синтагматическая и предикативная. Преобладает первая.

Как в результате повышения частотности одних морфолого-синтаксических типов понижается частотность других, так наряду с усилением действия одного фактора ослабляет свое действие другой или другие факторы. Совокупность же проявлений всех факторов — величина постоянная.

Оформляя в грамматическом отношении наши мысли, мы используем разные морфологические и синтаксические категории. Наблюдения показывают, что частотность этих категорий неодинакова. Из синтаксических категорий в современном русском языке наиболее часто используются категории субъекта, предиката, атрибута, объекта, о чем свидетельствуют данные, приведенные в исследованиях В. Г. Байкова и Л. А. Кировой. Вопрос о частотности обстоятельств подлежит исследованию. По наблюдениям Н. И. Штыкало, частотность обстоятельств причины низка.

Вопрос о частотности морфологических и синтаксических категорий должен исследоваться и в плане диахронии. Наблюдения показывают, что частотность атрибута остается высокой на протяжении тысячелетней истории русского языка.

**Основные положения диссертации отражены
в следующих работах:**

1. Особенности образования прилагательных в русском языке». Сб. «Питання словотвору східнослов'янських мов». Матеріали міжвузівської республіканської наукової конференції, «Наукова думка», Київ, 1969.
2. «О дифференциальных признаках грамматического атрибута в русском языке». Сб. «Русский язык, его изучение в высшей и средней школе». Материалы XIII зональной научной конференции языковедов Среднего и Нижнего Поволжья. Астрахань, 1970.
3. «О различии между предикативным и атрибутивным признаками». Сб. «Русский язык, его изучение в высшей и средней школе». Материалы XIII зональной научной конференции языковедов Среднего и Нижнего Поволжья. Астрахань, 1970.
4. «Факторы выбора средств для выражения атрибутивных отношений». Сб. «Русский язык, его изучение в высшей и средней школе». Материалы XIII зональной научной конференции языковедов Среднего и Нижнего Поволжья. Астрахань, 1970.
5. «К принципам выделения определений». Сб. работ кафедры русского языка Днепропетровского университета «Исследования по русскому языку». Днепропетровск, 1970.